

Автобиография.

Зовут меня Соколов Виктор Алексеевич,но

ФИО моё вам ничего не скажет. Как говорится:" Не имел, не состоял ".

Родился, как и большинство нашего народа, в другом тысячелетии, в другом веке, и в другой стране. Хотя всю жизнь прожил в посёлке Первомайском. Хорошо хоть, название малой родины не менялось. Многие ещё в других городах побывали, родного не покидая.

Челнинцам и Рыбинцам вообще довелось туда-сюда метнуться. Про Питерцев уже и не говорю. Ну, ладно, не об этом речь.

Родился, значит, в самый разгар угара построения развитого социализма в отдельно взятой стране, 14 мая 1972 года. Первым препятствием в жизни стал кафельный пол роддома. На следующий день отключили отопление, и , что вполне логично, резко похолодало. В квартире стоял такой чичер, до сих пор помню. Чтобы я не простыл, родители увезли меня в деревню к бабке. Та, со свойственным человеку, пережившему голодовку, раскулачку, войну, ещё раз голодовку, максимализмом, так раскочегарила печку, что за малым делом мы не вышли на орбиту. Печки такие раньше были, кто, может, помнит, цельнобитые из глины. Тепло чуть не неделями держали.

Короче, сперва зачичерел, потом перепарился. Так что могу с полным правом называться "парень". Закаляли, как сталь.

Ничего особого из себя не представлял. До четырёх лет, правда, болел сильно. Закалка, тожно, не на пользу пошла. Позже выправился. Рос, как все советские дети. В меру покасть, в меру сообразительный иногда дрался, больше огребал. Хотя бабка шибко стыручим называла. Учился без огонька, но с пониманием, что выбора нет. Читать запоем начал класса с третьего. И так, видно, увлёкся, что прирастил к этому делу всех одноклассников. Прикиньте, футболистов!

А вот насчёт писать это уже совсем другая история.

Класе, помнится, в шестом, задали нам написать сочинение, в котором нужно было описать какогонибудь человека. Установка такая: покороче, чтобы человек узнавался. Я в четырёх строчках описал своего друга (ныне покойного). Его по описанию все узнали, однако я был прилюдно высечен и осмеян. Высечен, понятно, не в мраморе, но и не на лавке, а образно выражаясь. И дадено мне было три дня на исправление. Получив

дополнительно дома стимулирующих, я загрузил за письменным столом об сложностях жизни. И, по тихой грусти, взял да и описал от фонаря какого то воображаемого парня, которого, якобы, увидел в окно. Раскатал сочинение на несколько страниц. За что получил "пятёрку". С тех пор, чисто из вредности, назло училке, стал писать натурально произведения. Их ещё долго зачитывали, как пример, после моего ухода из школы.

Все попытки как то издаваться закончились фиаском. Рукописные варианты ни один журнал не рассматривал. Единственное тогда в Союзе исключение: журнал "Уральский следопыт". Там мой фантастический рассказ "Море огня" прочитали, даже Сергей Другаль лично ответил, но печатать отказались. Хотя, по нынешним временам, рассказ, думаю, получился неплохой. Для четырнадцатилетнего пацана так вполне.

Ну, а потом: родимое пятно, четвёртый блок, роковой указ, Руст, и далее по нарастающей. Жизнь сама превратилась в фантастическую сагу. Смесь антиутопии, боевой фантастики, криминальной драмы и театра абсурда. Да и не до писательства скоро стало. Выживать было нужно.

Впервые напечатали мой рассказ "Терапия отчаянья" в газете "Земля" в 1996 году. К сожалению, никаких вариантов его не сохранилось. Если только где в архивах газеты. И за него был "кажется, чего-то удостоен, награждён и назван молодцом". Но награда героя до сих пор не нашла. В те дни я с трепетом ждал, чем наградит меня государство. С конфискацией или без. Да ещё некие серьёзные ребята думали, куда меня пристроить: в водолазы или в партизаны. То есть: в лес вывозить или на Онон. К счастью для меня, сработал эффект встречного пала. Государство вспомнило про серьёзных ребят, и им обоим стало не до меня.

Шли годы. Я повзрослел, обзавёлся семьёй, потом ещё одной, работал всю жизнь простым рабочим, начал стареть. Вырастил троих детей и большое пузо. Стал, как Гамлет, тучен и одышлив. Как вдруг!

Три, кажется, года назад в честь юбилея Кыринского района задумали выпустить сборник биографий знаменитых людей района, и мне было предложено написать о моём дедке Сафонове Андрее Николаевиче. Как потом оказалось, "ошибка вышла, вот о чём молчит наука", но это уже тоже совсем другая история. До суда чуть не дошло. Тем не менее, результатом стал рассказ "Три кита", который я планирую представить в этом журнале. Рассказ напечатан в сборнике, но я так его и не увидел.

Последним побуждением к активности стали Головатовские чтения, прошедшие в Шилке 23 апреля сего года. Попал я туда, можно сказать, случайно, и это третья и последняя другая история. Посидел, послушал и подумал: "А паркуа бы и не па?" Как сказал Василий Алибабаевич в одноимённом фильме: "Все бежали, я бежал." В смысле, чего бы и не попробовать тряхнуть стариной. Тем более, на тех же Головатовских чтениях познакомился с супругами Шустиковыми. Появилась возможность напечататься на старости лет.

Но писателем себя не ощущаю и остаток жизни посвятить этому ремеслу не планирую. К известности равнодушен, да и какая известность в наше время может быть у писателя, да ещё в нашем захолустье.

Ну, вот, вроде, и всё. Думал, в пару строк уложусь, а вышел почти ещё один рассказ. Надеюсь, получите удовольствие от прочтения.

С уважением. как говориться: "зе енд".

Соколов Виктор.